АЛЬМАНАХ
«ПОД СЕНЬЮ ОЛИВЫ»

Латвийская тетрадь

ВЫПУСК №11

Наталья Савельева

Латвийская тетрадь. Альманах «Под сенью оливы». Выпуск №11

«Издательские решения»

Савельева Н.

Латвийская тетрадь. Альманах «Под сенью оливы». Выпуск №11 / Н. Савельева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602432-8

Наш альманах возвращается. К великому сожалению, получился пятилетний перерыв. Прежние выпуски были посвящены нашим дорогим людям и местам: Марине Цветаевой и её окружению, Надежде Ивановне Катаевой-Лыткиной, Крыму, странствиям, теме эпистолярного общения, житейским историям, сказкам. И вот, мы собрались с силами и продолжаем. Новый альманах посвящаем Латвии, любимому месту на Земле. Нашим дорогим людям: Лилии Леонардовне Фриденберге и Инессе Галанте, всем нашим латвийским друзьям.

ISBN 978-5-00-602432-8

© Савельева Н.
© Издательские решения

Содержание

Наталья Савельева 6
Наталья Савельева, Юлий Пустарнаков 12
Наталья Савельева 19
Юлий Пустарнаков 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Латвийская тетрадь
Альманах «Под сенью оливы». Выпуск №11

Редактор Наталья Савельева
Редактор Юлий Пустарнаков

ISBN 978-5-0060-2432-8 (т. 11)
ISBN 978-5-0060-2433-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Савельева
Моя Латвия, моя Юрмала

Как возникает, как появляется любимое место на Земле? Что это – территория, пространство, местность? Часто ещё говорят: место силы или точка на карте.

У многих это Родина – в широком смысле этого слова или конкретное место рождения. Счастливы те, кто сумел сохранить эту любовь на всю жизнь. Иногда, правда, это бывает просто привязанность, привычка, нежелание что-либо менять.

Часто мы обретаем своё насущное пространство в странствиях (как похоже звучат два слова!), часто совершенно случайно. Или стремишься куда-то, к родным и друзьям, или приезжаешь по делам, или в музей, на концерт, и вдруг понимаешь, что это место – твоё. Сразу или спустя какое-то время.

Не всегда получается объяснить это чувство.

В Юрмале мы видели милые открытки для туристов, на которых было написано по-английски: «Почему Латвия?» Разные открытки, а на них море, дюны, сосны, старинные здания и рыбацкие лодки, животные, экологические тропы… Радостное светлое чувство они вызывали.

В Юрмалу люди приезжают в основном отдыхать. Я имею в виду туристов издалека. Но и местные жители – дальние и ближние любят здесь отдыхать, день или два, час или два. А ещё приезжают на фестивали, концерты, к родным. Или получить общее представление об этом месте, познакомиться с ним.

Моя первая Латвия… Август 84-го. Мне 22 года, я работаю учителем в школе. Первый выезд без взрослых, с подругой детства. Мама и бабушка не хотели меня отпускать, но потом согласились. Потому что Лена отдыхала в Юрмале с родителями каждое лето, и хорошо знала станции Пумпури и Меллужи. Туда мы и отправились. Впереди был целый месяц, отпуск! Мы приехали в Ригу на поезде из Москвы, с Рижского вокзала, никаких таможен тогда не было, дорога близкая. Оставили вещи на вокзале, доехали до Меллужи и стали просто ходить по домам – так тогда снимали жильё. А в Крыму или, скажем, в Сочи и сейчас так. Конечно, было и курортное бюро, мы потом увидели его. Кто-то приезжал к родным и знакомым, договаривался заранее, это понятно.

А мы просто спрашивали, и всё везде было занято. Всё и везде. Только в одном доме оказался свободный закуток, но нам не понравился хозяин дома, он нас даже чем-то насторожил. И только в старом домике прямо у леса была комнатка на втором этаже, жильцы как раз выезжали, и хозяйка-бабушка попросила нас прийти через два часа. Обрадованные, мы отправились в Ригу за вещами. И пообедали там, на вокзале.

Было так хорошо, так уютно в том доме на улице Гравью, 75. Правда, когда мы шли уставшие вечером, казалось – ну, очень далеко! Годы спустя, в 2015 году, мы тоже жили в последнем доме на улице, только не у леса, он был чуть в стороне, а недалеко от реки и улицы Плуду. В следующем году мы тоже жили там. И тоже казалось – не дойти! – такая длинная улица…

В 84-м, в юности, меня весь месяц не покидало ощущение счастья. Вся жизнь впереди! Любимый август, мой месяц. Море и сосны, дюны, маленькие станции, необычная архитектура, невероятная чистота, потрясающая еда… – первая в жизни Балтика. Иная реальность. Впервые Рига и Домский собор, органный концерт. Впервые Сигулда и Рундале. Аккуратные и красивые электрички. Европа в своей стране. Тогда ещё мы многого не знали и не понимали.

Был ПРОСТО отдых, тогда это ещё было возможно. Помните, у Юнны Мориц? «Не дрожать над каждым днём, вот уж этого навалом…» Прогулки, плавание, бадминтон, чтение вслух и не вслух. Мы записались в библиотеку – неужели такое было возможно? Хорошо помню, что

читали книгу Аллы Демидовой. Ходили пешком обедать в Вайвари – там тогда был кемпинг со столовой. Ходили, конечно, и в другую сторону, и бродили по улочкам, и всё меня радовало и поражало. Невероятно красивый и уютный новый мир! И вся-вся жизнь впереди!

В тот месяц почему-то было много мотоциклистов. Они проносились мимо на бешеной скорости и вызывали неясную тревогу. Не знаю, отчего, спустя годы эти мотоциклисты вспоминались мне в связи с гибелью Виктора Цоя, хотя это никак не было связано. Было и горестное воспоминание – я ходила к старой приятельнице моей любимой родственницы, по её просьбе, сказать ей, что она тяжело больна, попрощаться… Да, шёл последний месяц жизни моей бабы Сони, и её уход тоже в моей памяти навсегда связан с Юрмалой.

И – «Долгая дорога в дюнах», легендарный фильм, сразу ставший любимым. Впервые его показали в 1981 году, и всё было овеяно им. Хотя мы не съездили тогда в Тукумс и Рагациемс, мы ещё и не знали об этих местах.

Второй раз я приехала одна, в августе 88-го. Мне дали бесплатную путёвку в дом отдыха. Бесплатную, на три недели!!! С трёхразовым питанием! Я уже работала в редакции «Учительской газеты», и там постоянно предлагали путёвки, бесплатные, профсоюзные, да ещё их часто оплачивали как больничные листы. Никто не интересовался этими путёвками, меня ещё и уговаривали. Дом отдыха был в Дубултах, недалеко от железной дороги, мы её переходили три раза в день – ходили в столовую..

Лена, моя подруга, просила меня отдыхать свободно, не впадать в ностальгию, но я почти сразу поехала в Меллужи к нашему месту, и вспоминала, вспоминала… Записалась ли в библиотеку? Наверно. Вряд ли я везла с собой книги. Бродила по берегу, купалась, ездила на экскурсию – куда? Потому и не помню, что я постоянно думала о том, первом, лете, и ещё в комнате нас было пятеро, все ровесницы, но совместная жизнь получилась шумной и трудной. Одна девушка, кажется, её звали Лена, всё время была в поисках приключений, мы её почти не видели. Вторая, Тамара, приехала из глуши и быстро примкнула к двум подругам, Лене и Марине, кажется. Ещё бы! Я была тихоня с книжками и тетрадками, а те – яркие, модные, активные! Помню, они немного подшучивали надо мной, я им была не интересна, и я часто оставалась одна в комнате и писала стихи, тогда это было моей потребностью. Через десять лет Лена с дочкой пришли в цветаевский музей, мы узнали друг друга, она работала гримёром в Большом театре…

Помню дожди, помню море, звёзды и астры, и вечер встречи с Иваром Калныньшем, и мечты о будущем, и всё-всё впереди… Повторяю эту фразу в третий раз – то ощущение возникает у меня в каждый приезд в Юрмалу. Я приезжаю туда, и снова мне 22 года, 26 лет, жизнь только начинается, и мама жива, и всегда там она будет для меня жива, и всегда будет у меня предчувствие счастья и само счастье…

После той, второй, поездки, прошла вечность. Страна распалась. Я перешла в «Учительскую газету». Денег в те голодные годы на заграничные поездки не было. Проблемы в семье и на работе, командировки, переезды с квартиру на квартиру, съёмное жильё… – чего только не вместили эти годы! Случилась только поездка в Прагу на цветаевскую конференцию в июне 2000 года. Я тогда уже работала в музее, и с поездкой нам помог Фонд Сороса.

Только в 2012 сумели мы выехать в Прагу, и оттуда – в Дрезден и Вену на традиционные экскурсии. А в следующем году, в январе, – в Ригу. Нам выпала новогодняя неделя. Остановились в отеле «Форумс», практически в центре. В первый же вечер пошли на экскурсию

по городу – три часа под проливным дождём! А на другой день поехали в Юрмалу на припорошенный снегом песочный берег. Побывали в те дни и в Сигулде. Было ощущение нереального сумасшедшего счастья. Юлик на второй день спросил: «Что же ты раньше не говорила, что это самое лучшее место на свете?»

Потом мы приехали на неделю летом, жили в том же «Форумсе», потом в мае и летом 2014 года, жили уже в Юрмале, в вилле «Йома» и в Тукумсе. Потом на несколько дней – в ноябре и январе, уже 2015-го, потом – летом, жили в Дзинтари у Дзинтры, и ещё через год тоже у неё. И дальше, дальше, дальше…

Места нашей жизни – Рига, «Форумс», вилла «Йома» на улице Йомас, улица Викторияс у Дзинтры в Дзинтари, отель в Тукумсе и нынешнее жильё – на исторической даче в Яундубултах. Три раза жили мы там. Эта дача и вилла «Йома» – любимые наши места.

Во времена ковида мы не приезжали два года – нужна была виза «Д», которой мы не имели. Но в августе 2022-го мы сумели попасть в Юрмалу – через Минск по итальянской визе.

О каждой поездке и каждом месте можно рассказывать отдельно. Каждая деталь важна. Но я знаю, что словами невозможно передать свои ощущения. Порой больше скажет фотография. Или музыка, особенно музыка Раймонда Паулса, и голос Инессы Галанте – над морем, над соснами, выше, выше…

Инессу Галанте здесь представлять не нужно. Кто из любящих Латвию не знает о ней? Случайная встреча с ней на улице Йомас в июне 2019 года превратилась в подлинную дружбу. Тогда мы записали с ней большое интервью, которое вошло в нынешний альманах.

Напишу о Лилии Фриденберге. К сожалению, сейчас мы не можем опубликовать наш большой разговор с ней, он будет позже. Беседы с Лилией велись в течение пяти лет, но публикации их помешали последние чрезвычайные обстоятельства. Мы не могли предвидеть их и не выпустили альманах в 2020 году. С Лилией мы познакомились в январе 2015 года в костёле Майори. Так совпало, что это имя моей мамы, а тогда шёл последний месяц её жизни. И мы тогда очень стремились попасть в этот костёл и никак не могли найти его. Видели его из окна электрички, а когда шли по проспекту, почему-то не находили. И в тот наш последний перед отъездом январский день тоже не нашли. Тогда мы вернулись в виллу «Йома» и спросили у нашего замечательного администратора Михаилса Лисовса (о нём надо рассказывать отдельно!), как всё-таки попасть в костёл. Михаилс объяснил, и мы нашли.

В тот день ещё была сильная метель. Наверно, это было воскресенье, после службы. Мы застали женщин за уборкой и познакомились с ними. Меня так потряс вертеп, что я тут же начала читать вслух стихи Бориса Пастернака «Рождественская звезда». Тогда я хорошо запомнила Лилию, Лидию, Веру и Дзинтру. Дзинтра тогда оставила нам свой электронный адрес, мы переписывались, и она пригласила нас бесплатно пожить летом в её доме. Мы приехали в августе, провели в Юрмале две счастливые недели, съездили оттуда в Аглону. Через две недели Юлик уехал в Москву на работу, а я осталась, и ходила тогда на каждую службу в костёл. У меня появилось много знакомых, а с Лилией мы подружились, и я была у неё в гостях, и мы вместе однажды гуляли у моря и бродили по Риге.

Это очень интересный и достойный человек. Я благодарна Лилии за понимание, помощь и духовную поддержку. Долгие годы она работала в знаменитом санатории «Кемери», о котором тоже надо рассказывать отдельно. Была физиологом, научным сотрудником, директором государственного предприятия «Курортология» в 1993—2000 годах. Спасала санаторий в его последний период, впоследствии написала о нём книгу вместе с Ларисой Александровной Терентьевой, директором научно-исследовательской лаборатории, которая существовала с 1962 года. Работа санатория тогда прекратилась, была разруха, сейчас есть вероятность, что он возобновит свою работу.

Лилия уже много лет она активно участвует в жизни костёла, его прихожан и, конечно, в жизни своей семьи, она постоянно занята. Я очень надеюсь, что сумею опубликовать нашу беседу с ней.

Наталья Савельева, Юлий Пустарнаков
Певица Галантного века

Что для нас Латвия? Это узкие улочки Риги с брусчаткой, Домский собор, деревянный конь Брентис около собора Святого Петра, река Даугава – Западная Двина, впадающая в Рижский залив, песчаные дюны взморья, где с одной стороны – сосны, с другой – море, всё ещё иногда в шторм вымывающее среди водорослей сказочный янтарь. И женщина в платье янтарного цвета, уходящая в море вслед кораблю, уплывшему в закат.

Эта завораживающая картина стоит перед глазами до сих пор. И голос – «глубочайшее в мире – голос…» – впервые услышанный нами три года назад на фестивале Summertime в знаменитом концертном зале «Дзинтари» в Юрмале.

Тогда на фестивале замечательные оперные голоса сопровождали видеоистории, показываемые на большом экране. И как ни прекрасны были эти голоса, но именно голос женщины, уходящей в море, поднимал слушателей на такую высоту, где человек просто не может дышать – зал замирал, затаив дыхание.

Это был её фестиваль, фестиваль Инессы Галанте. Она проводит его каждый год в августе. В этом августе прошёл юбилейный, пятнадцатый международный музыкальный фестиваль «Summertime – приглашает Инесса Галанте».

Инесса (Инесе) Галанте родилась в Риге, тогда ещё в СССР. Всемирно известная оперная певица, обладающая выразительным голосом широкого диапазона – от колоратурного сопрано с нежнейшими градациями пианиссимо до глубокого драматического сопрано. В её репертуаре – ведущие оперные партии. Именно Инесса Галанте, записав в 1994 году в Риге «Ave Maria» Каччини, открыла это божественное произведение всему миру.

Она выступает в крупнейших оперных театрах и концертных залах мира. В Европе, Америке, Австралии, Азии… Почти везде, кроме Африки. Пела для членов британской королевской семьи, для нобелевских лауреатов. И у нас в России – в Мариинском театре, в Московском Кремле, в Большом театре.

У нас с Инессой Галанте получилось интервью, больше похожее на монолог-рассуждение певицы, причём большей частью на темы с музыкой напрямую не связанные. Инесса – удивительно неравнодушный человек, которого касается всё происходившее и происходящее в мире в целом и в непосредственной близости в этот миг. Не только её фамилия вызвала у нас ассоциации с Галантным веком – эпохой просвещения и культуры, но и она сама – широтой взглядов, живостью ума, остроумием, жизненными принципами и идеалами, и, конечно, человеческим обаянием и женским шармом.

– Инесса, Вы с детства хотели стать певицей? Ваши родители были музыкантами?

– Совсем нет. Первой в моей жизни была медицина, и вообще планы были очень далёкими от пения. Мне не нравилось, когда люди поют очень манерно. Другое дело – музыка, скажем, виолончель. Без жеманства, значительно одухотворённее, благороднее. Поэтому к голосам я тогда относилась безумно предвзято и слишком требовательно. Красота голоса, тембральная окраска, выразительность значили и значат для меня слишком много, то есть это для меня основной критерий. Важно – хочется мне плакать или смеяться с этим исполнителем, или нет.

Родители мечтали, чтобы я была оперной певицей, но никогда не давили на меня: «Как ты, доченька, решила, так и делай, а мы тебе поможем всегда, мы всегда на твоей стороне».

В детстве мне хотелось заниматься физикой, астрономией, скульптурой, дизайном, архитектурой, потому что половина родни – архитекторы или врачи. Для архитектуры, к сожалению, острота моего зрения была недостаточной. Меня привлекали и медицина, и психология. В итоге, я получила диплом фармацевта, и думала, что пойду ещё на какой-то факультет, связанный с медициной.

В общем, я не видела себя певицей, хотя моя мамочка пела, играла на аккордеоне и фортепиано. Однако окончила гимназию с математическим уклоном и Плехановский институт, работала экономистом. У неё вообще был синдром отличницы, всё всегда с золотой медалью или красным дипломом.

Мама была невероятно элегантной. Всегда ходила «на каблучке», всегда у неё была прямая спина. Её никто и никогда не видел униженной. Если кого-то обижали, она как глянет – этот человек на коленях приползал извиняться перед ней, а не перед тем, кого унизил.

Она никогда не одевалась, как все, и моё желание «быть, как все», понять не могла. Мой папочка и мы с сестрой ей служили, такого преданного друга, как мама, у нас больше не было.

В начале войны маме было 17 лет, она жила с родителями в Даугавпилсе. Семья была богатой – её отец владел небольшим заводиком по производству самых разнообразных щёток и расчёсок. Когда фашисты подходили к городу, они сумели бежать в Россию – старший мамин брат буквально впихнул их всех в вагон.

А папа был коммунистом-подпольщиком в буржуазной Латвии. Оптимист по натуре, весельчак, жизнелюб. И очень мужественный человек, сильный физически, с честью прошёл войну с ранениями, орденами и медалями. И никого не предавал всю жизнь, а бросался защищать. А его невероятная доброта – от его мамы, которая славилась не только добрым сердцем, но и желанием помочь в любое время суток. Её двери вообще не закрывались.

Да, жизнь очень разнообразна и непредсказуема. Я, например, не желая быть певицей, где-то с 9—10 лет сама выдумывала оперы, пела за всех всеми голосами, мужские и женские, колоратуры, басы, баритоны. Всё это было имитацией, игрой. Хотя ходить в настоящую оперу и наблюдать за всем этим на сцене мне совершенно не хотелось, я этому просто не верила, и даже скорее это было потешно, увлекательно, но совершенно неважно для меня.

– В интернете мы прочли, что Ваш папа пел…

– Папуля прекрасно танцевал, хотя этому никогда не учился, у него были внутренний ритм, пластика. А пел его брат, потрясающий драматический баритон. Люди вспоминали его голос, что равного ему не было. Когда пришли фашисты, его жена не захотела уезжать из Латвии, и они погибли.

Надо сказать, в массе своей люди в независимой Латвии жили благополучно. До 1940 года страна развивалась достойно. Были, конечно, те, кто жил победнее, похуже, это всегда существует, тем более, что эта граница «хуже-лучше» постоянно плавающая.

Существовали разноязычные школы, гимназии, частные школы. Моей маме преподавала шведка, которая учила и тому, как держать спину, как девочкам одеваться, как вести себя в мужском обществе. Было настоящее воспитание, словно в Смольном институте благородных девиц.

Мамуля вспоминала, что могла бы себе позволить быть просто избалованной дочкой. Однако её отец, мой дедушка, был безумно строг и пунктуален. Если кто-то из троих детей опаздывал к обеду на пять минут, то обед не получал до ужина – умей ценить чужое время. Дедушка уважал людей, с которыми работал, был очень корректен. Всегда подтянутый, аккуратный, радостный. Ему говорили: «Вы, наверное, сын Шаляпина! – он был на него очень похож. «Да, любимый!» – отвечал дедушка. Он был очень остроумен, как потом и один его сын,

который работал в институте ортопедии и травматологии. Люди улыбались, глядя ему вслед. Бывают такие радостные люди.

И он ничего не боялся, поскольку не знал за собой никакой подлости. Допускал и довольно опасные шутки. Например, говорил: «Раньше у нас только один завод был, а теперь всё моё!» Или: «Дайте мне, пожалуйста, „Правду“, которая стоит две копейки, и трёхкопеечные „Известия“». Ему говорили: «Вульф, ты с ума сошёл!» А он: «А что я сказал не так?»

Когда начали высылать в Сибирь, рабочие завода его просто не пустили, добились отмены распоряжения об отправке: «Он нам отец родной! Работал с нами наравне: в пять утра вставал, в шесть мы начинали работать, заботился о наших семьях».

Дедушка получил хорошее образование в Берлине. Ещё со времён Российской империи у него на столе стоял письменный прибор – подарок от императора за работу. Ведь дедушкин завод изготавливал щётки и для лошадей, и для служащего состава армии, для чистки сапог и кителей. У нас дома ещё были расчёски и щётки для волос с ручками из слоновой кости.

Бабушка целый день работала в магазине, где продавались товары с завода.

В семье моих родителей свободного времени не хватало, они работали, жили ради нас, все всегда были чем-то заняты. И мы с сестрой тоже: английская школа, теннис, спортивная гимнастика, фигурное катание, плавание, танцы, детский хор, фортепиано. Кроме этого, мы должны были каждый день сделать четыре пункта из списка дел. Если в течение недели всё было более-менее сделано, мы в конце недели получали мороженое. И ещё мы страстно любили книги, были просто помешаны на них.

Каждое утро мы с сестрой в семь утра уже были на пляже, бежали три станции вдоль моря, окунались в воду, даже если она была всего +9 градусов по Цельсию, полоскали рот солёной водой. Зато никогда не болели! Я так привыкла, что вода должна быть свежей. В очень тёплых морях мне даже некомфортно, когда нет никакого контраста. Но это – дело привычки.

А тогда мы ходили полгода босиком, это просто был образ жизни. Можно сказать, что детство моё, моей сестры и моих друзей прошло в Юрмале, на станции Меллужи. Мы туда приезжали как в рай, это и сейчас невероятное место.

– В 1991 году Вы уехали в Германию…

– Да, меня пригласили солисткой в Национальный театр в Мангейме и Немецкую оперу на Рейне в Дюссельдорфе.

Но с Латвией я никогда не прерывала связи. Я работала и жила в Стокгольме, Хельсинки, Таллине, Санкт-Петербурге. Там просто сдувает с ног, сырость, влажность. Многие удивляются, как так можно жить? А в Риге климат намного мягче за счёт Рижского залива, нет такого безумного ветра. Ты как в закутке, в объятиях мамы, такая маленькая тёплая гавань… Рига, Латвия всегда на перепутье. И люди здесь очень чистоплотные, очень любят цветы. Немногословные, достаточно тихие, сдержанные. Мужественные. Очень радушные. На латышей всегда можно положиться. Невероятно трудолюбивые. Привыкли справляться со всем сами, и хуторная система этому способствует.

Конечно, войну я не застала, но, живя в Германии, много думала о том, почему немцы при такой культуре, литературе, музыке, философии (высший пилотаж, мало кто мог с ними конкурировать!), и вдруг пошли на такой ужас. И поняла, что нацизм родился из романтизма, из возведения в абсолют идеи величия своего народа. Эта идея оказалась востребованной после поражения Германии в Первой мировой войне. Беда в том, что любая политизированная идеология и возведение любого постулата в абсолют требует, в итоге, огромного количества человеческих жертв.

Я когда-то очень увлекалась политическими мемуарами, видимо, пыталась возместить отцу отсутствие сына. Помогала ему в работе, он это очень ценил.

Девиз папули – не чтобы не было богатых, а чтобы не было бедных. Он мне всегда говорил, что каждый человек, раз он пришёл на этот свет, достоин гуманного подхода, человеческой цивилизованной жизни, и должен иметь шанс. Это укоренилось в моём сознании, мне тоже хочется, чтобы люди имели шанс. Увы, он есть далеко не у всех.

А в детстве я хотела быть генералом, космонавтом и спасать человечество. Когда падала, никогда не плакала, воспитывала в себе волю, мужественные черты. Меня смешили девочки со всеми этими сумочками и помадами, капризами, сплетнями. Я и сейчас ненавижу сплетни, шептания, интриги. Не потому что я такая хорошая, просто у меня это вызывает отторжение. У меня всегда было много друзей, я умею дружить, без «яканья», кухонных пересудов друг у друга за спиной. Есть люди, которых можно осуждать, говорить о них долго и неприятно, но я оставляю это Господу Богу, который сам с этим будет разбираться, не я. Да, мне кажется, безнравственно и отвратительно – судить. Я должна отвечать за себя.

Потом я попала в оперу – это было место единомышленников, коллег и партнёров. Я со всеми дружила, были невероятные встречи. Но, конечно, встречались персонажи, не умеющие сдерживать свои эмоции. Да и обстоятельства жизни у всех разные. В театральной среде обострено чувство зависти, обиды, иногда и справедливой – кто-то продвигается благодаря чьей-то симпатии, любовникам, друзьям, блату. Но вот ты выходишь на сцену, ты «распят» перед всеми, и пожалуйста, действуй-злодействуй, делись собой. Вот твоё место отчёта. И отсчёта. По крайней мере, для оперного пения только блат не работает.

Конечно, театральная сцена – дело субъективное: у кого-то голос лучше или благороднее, кто-то внешне представительнее… Многие актёры заменимы, это для себя актёр – единственный в своём роде. Однако существуют личности, которых не заменишь никогда и никем, и люди о них вспоминают со слезами и восторгом. Говорят: «Такого больше никогда не будет», а спектакль продолжается… В том актёре было что-то такое, что никакими деньгами, блатом, любовниками никак не заменить. Бывает так – человек в жизни кажется совершенно неинтересным, непримечательным, а на сцене – глаз не оторвать. И наоборот – красавица, а слушаешь её пение пять минут, десять – и начинаешь скучать, потому что никаких флюидов, никаких мыслей и эмоций она не рождает, думаешь, какая приятная целлулоидная Барби, вот и всё…

– У Вас необычная фамилия…

– Это фамилия бывшего мужа, которая осталась со мной на всю жизнь. Она – от испанских сефардов.

В Италии мне говорят, что я итальянка, в Испании – испанка, во Франции – француженка. В каждой стране принимают за свою. А я пою не для какого-то конкретного народа, я пою для всех, для человека. Для тех, кому я нужна, кто пришёл меня слушать, я буду делать максимум. Я ведь не просто вышла пропеть некоторое количество нот и покрутить своим платьем.

Людей много одиноких, не очень нужных, не очень удачливых, разочарованных, брошенных, нездоровых, без перспективы, или им так кажется, недооцененных… Не все хотят забываться в спиртном или бегать по дискотекам. А мне хочется, чтобы люди улыбались, были счастливыми, здоровыми, чтобы у них всё ладилось, чтобы они встретили человека или людей по интересам. Чтобы нашли себя, чтобы их работа была хобби – в этом же всё наполнение жизни. Чтобы были окружены симпатизирующими им людьми, любящими людьми. Это опять-таки мечта моего отца. Но любовь – дело трудоёмкое.

Просто нам с детства обещали, что жизнь будет радостной. И что добро всегда побеждает зло. И если ты чего-то хочешь, то обязательно добьёшься, и будешь жить долго и счастливо. Но забывали добавить, что для этого надо очень много работать, очень-очень стараться, быть в нужный момент в нужном месте. Что есть вещи взаимозаменяемые. Если не пошло здесь или ты не очень счастлив в этой профессии, в этом месте, то можно попробовать что-то изменить.

Видимо, было тогда у нас такое время – люди привыкли ничего не менять. В Америке, наоборот люди много передвигаются, очень мобильны, осваивают новые профессии, идут на курсы…

– Расскажите, пожалуйста, о Фонде Инессы Галанте.

– Мы создали Фонд восемь лет назад. Как раз для того, чтобы дать шанс, возможность, может быть, для кого-то дополнительную возможность проявить себя в музыке. У нас нет ограничений в возрасте, но, конечно, это должно быть адекватно, чтобы у талантливых людей ещё было время для реализации своего потенциала.

Было шесть конкурсов талантов в четырёх группах – вокалисты (включая джаз), ударные инструменты, клавишные и духовые.

Вообще членом жюри музыкальных конкурсов бываю часто. Стараюсь молодёжь продвигать, если вижу, что человек талантлив. Допустим, что-то сейчас не получилась. Могу дать пятнадцать минут отдохнуть, попить воды и повторить. Один такой мальчик сейчас поёт по всему миру, пел в «Ковент-Гарден», прекрасный певец! А если бы его «закопали»? Певец и так – очень зависимое и ранимое существо, его надо поддерживать и защищать.

– А у Вас есть диск, записанный на русском языке?

– Да, есть. Говорят, за двадцать лет моя запись – лучшая запись Татьяны Лариной.

Скажу честно, в молодости к русской музыке я относилась с большим страхом, невзирая на то, что это язык для меня абсолютно родной. Но мне казалось, что петь Чайковского, Рахманинова, Глинку я ещё не готова, это должны петь другие. Мной владели стереотипы, хотя не должно быть стереотипов, зашоренности ни в музыке, ни в дизайне, ни в чём. Всегда боялась, всегда отказывала, о чём очень сожалею сейчас. Хотя тогда я уже много пела и в Англии делала концерты русской музыки. И с американцами, и в России с маэстро Владимиром Федосеевым. Некоторые вещи я пела давно, и все были в экстазе, но он дал мне ещё пару идей, и всё заиграло по-новому. Обратил внимание на паузы, какие-то детали, которые раньше я пропускала. Я пела к тому времени «Снегурочку», но это было скорее художественное полотно, а Чайковский, Рахманинов – это другое. А, например, Римский-Корсаков – это красочная картина, изумительная сказка, к ней подходишь по-иному. «Пиковая дама» Чайковского – одна из моих самых любимых опер, это эталон. Я долго готовилась, чтобы спеть Лизу.

– После «Ave Maria» Каччини в Вашем исполнении к Вам невозможно относиться как к простому смертному…

— Интересно, что мой диск «Debut» с «Ave Maria» должен был выйти в Москве, он оказался последним в плане на фирме «Мелодия» в преддверие развала СССР. Компакт-диск к выпуску был готов, но тут произошли известные события. Права на издание перекупила английская фирма, и я оказалась первой в Латвии, кто выпустил компакт-диск за границей, только потому что было такое время. Диск был как мостик между двумя системами.

А мы все оказались даже не над пропастью, это была Третья мировая война, просто не было такой активной стрельбы. Кто-то умер физически, кто-то морально был изничтожен… Пожилым людям в хаосе 90-х было очень сложно. Мой папа болел, переживал серьёзно, хотя видел всё несовершенство системы. Он искренне верил в коммунистическую романтику.

– Что бы Вы хотели пожелать нашим читателям?

– Я очень не люблю заносчивых людей. Самоирония и юмор не только помогают жить, они должны быть во главе угла. Конечно, бывает, что ты их теряешь на минуту. Но когда включаешься и смотришь на себя со стороны и умеешь сам над собой смеяться, то камень с души должен упасть. Я верю, что большинство людей – добрые, небезразличные, творческие, слышащие, видящие, читающие, думающие, озабоченные тем, чтобы мир не скатился в тартарары,

а улучшался. Я думаю, музыка – та сфера, та медицина, которая никогда не подведёт, не будет побочных эффектов. Это я говорю, как фармацевт. Это лекарство, которое рождает крылья за спиной, делает людей духовно богаче, крепче, но оно и размягчает сердце и вызывает слёзы очищения. Когда-то люди тоже страдали, но собирались с силами и шли дальше, разве не так?

Всё было. Великие композиторы, художники, глухие, слепые, преодолевали свои горести и продолжали творить. Тот же Ренуар, которому кисть привязывали к руке после того, как его разбил паралич. А Бетховен с его глухотой? А сколько слепцов… Тулуз-Лотрек, маленький карлик, над которым хохотали, понимаете? Не это важно – ДУХ важен. И твоё желание что-то изменить. За это я голосую, и мой фонд, и мой фестиваль призваны дать миру витамины счастья, красоты и силы идти дальше. Вот это я всем желаю. Будьте все счастливы, и никогда не опускайте крылья. Жизнь очень многогранна, и как зебра – белая-чёрная, белая-чёрная. Даже если эта чёрно-серая полоса расширилась значительно, там за поворотом будет что-то другое, только не сидите на месте, двигайтесь и верьте. Может, вы куда-то не туда свернули. Я вас люблю и дай Бог нам всем удачи. Нам не нужна война, нам нужно мирное небо. Будьте здоровы. Ваша Инесса Галанте.

Наталья Савельева
Музыка, которая может осчастливить

12 марта – день рождения выдающейся оперной певицы Инессы Галанте, самого солнечного человека, которого мне когда-либо приходилось встречать. Но задолго до встречи с ней я полюбила Латвию, жила в её любимом месте – в Меллужи, видела её фотографии на театральных афишах. А на концерт я впервые попала в 2016 году. Был август, знаменитый международный музыкальный фестиваль «Summertime – приглашает Инесса Галанте» в знаменитом концертном зале «Дзинтари». Случилось открытие, потрясение, такое порой случается раз в жизни.

Inese Galante & Friends
Summertime
STARPTAUTISKAIS MŪZIKAS FESTIVĀLS
15 YEARS
5.-11.
AUGUSTS
DZINTARU
KONCERTZĀLE
LOUNGE FM 99.5
GASO
LDZ CARGO
spice
una
LETA 100
Domenikss
latvijas nafta

О «живой» встрече я не думала, хотя не раз приходилось мне брать интервью у известных людей, в том числе и из мира музыкального. Но – встретиться с Инессой?!

А потом снова был август, снова фестивальный концерт, и снова неземной восторг. Новые диски её, закат на море, изысканная интеллигентная публика. Концертный зал «Дзинтари» находится на берегу Рижского залива, и в антракте можно погулять в сосновом приморском лесу.

И ещё один год. Её имя везде звучало в Юрмале, везде в Латвии, как имя Моцарта в Вене и Зальцбурге.

Два лета назад в конце июня я шла по центральной улице Юрмалы – улице Йомас, там много разнообразных кафе и кофеен. Столики расположены на воздухе, как обычно летом. И за одним из них я увидела Инессу. Конечно, я сразу узнала её, но от неожиданности спросила: «Простите, Вы – Инесса Галанте?» Рядом с ней сидел очаровательный мальчик, её внук Лаурент. И не было никакого «сопровождения» – привычной мне театральной свиты или охраны. И фанатов не наблюдалось.

Мы познакомились, договорились об интервью, и Инесса записала свой номер телефона на бумажной салфетке. А четырёхлетний Лаури написал на второй салфетке свою электронную почту.

А потом я пошла на берег, и поднялся невероятно сильный ветер, и он унёс бумажную салфетку! Но я почему-то знала, что ничего непоправимого не случилось. И, действительно, телефон удалось найти – спасибо интернету! – и мы созвонились, и встретились в начале июля в той же уютной кофейне на улице Йомас.

Мы беседовали два часа. Солнце ушло, начал накрапывать дождь, а мы всё говорили. И только когда полило, как из ведра, перешли во внутренний зал. Мы были так увлечены беседой, что даже не заметили, что нас слушают окружающие, а потом вдруг услышали аплодисменты! Да и никогда прежде нам не приходилось брать интервью в уличном кафе!

Говорили о жизни. На темы, напрямую не связанные с музыкой. О родителях, детстве, о Латвии и Германии – Инесса живёт на две страны. И много ездит, работает в разных странах мира. В 1991—99 годах она была солисткой Национального театра в Мангейме и Немецкой оперы на Рейне в Дюссельдорфе. Работала на разных сценах в США. Во Франции – в Театре Елисейских полей. В Италии – в Ла Скала. В Шведской королевской опере. В Мариинском театре, в Большом театре, Кремле. Везде, кроме Африки. Пела для членов британской королевской семьи, для нобелевских лауреатов. В 2001 году состоялся её совместный концерт с Хосе Каррерасом в Роттердаме. Сотрудничала с Валерием Гергиевым, Зубин Мета, Йегуди Менухиным, Владимиром Федосеевым.

В Голландии были выпущены её Золотой (1999) и Платиновый диск (2001).

Да разве возможно перечислить её награды, сцены, страны, роли? С её богатейшим оперным и камерным репертуаром. Это уникальное сопрано, один из самых красивых по тембру мировых голосов.

В детстве Инесса хотела быть архитектором, а ещё – … космонавтом и генералом. Спасать людей. Помогать людям. И после школы поступила в медицинское училище, стала фармацевтом. Но с ранних лет она пела оперные арии, сама придумывала оперы, семья была музыкальная. В 1977 году поступила в Латвийскую академию музыки, и уже во время учёбы стала солисткой Латвийской национальной оперы.

В её репертуаре ведущие оперные партии. Именно Инесса Галанте, записав в 1994 году в Риге «Ave Maria» Каччини, открыла это божественное произведение всему миру.

В течение последних двадцати лет её партия Татьяны Лариной считается лучшей в мире.

А как звучит голос Инессы Галанте в Домском соборе!

Десять лет назад появился Фонд Инессы Галанте. Инесса считает, что каждый человек должен получить свой шанс в жизни, в данном случае – в музыке. Проявить себя в музыке, которая станет для кого-то судьбой, для кого-то возможностью духовного развития.

Сначала проходят конкурсы талантов в четырёх группах – вокалисты (включая джаз), ударные инструменты, клавишные и духовые. А потом начинается учёба при активной существенной поддержке Фонда.

Трудно было представить, что мы станем постоянно общаться – опять же благодаря интернету. Сначала мы долго вычитывали наше интервью, которое вышло в «Учительской газете». А потом общение переросло в дружбу.

Нынешний год – год испытаний для многих. Надо пережить его. Главное пожелание Инессе и всем нам – пусть откроются театры, возобновятся репетиции и концерты, вернётся живое общение.

Добра и света, дорогая Инесса!

Юлий Пустарнаков
Камертон музыкальной поэзии
К юбилею Елены Фроловой

Мне никогда не приходила в голову мысль написать о Елене Фроловой. Её песни были со мной рядом будто бы всегда, это всё равно, что писать о смене времён года, о движении Солнца, о том, что неизменно, и происходит само собой. Но и у неё случился первый большой юбилей. И передо мной открылась истина: масштаб и уникальность явления по имени «Елена Фролова» заслуживает гораздо большей известности.

Я помню, как происходило моё знакомство с её песнями и с ней самой в деталях. Было это лет двадцать назад. Она выступала в бардовском клубе в моём городе, и я в новостном выпуске видел её несколько секунд – запомнилась. Потом попался сборник песен бардов на диске, и там две её песни – отметил, но не «зацепило». А потом я услышал её на концерте памяти Юрия Визбора. Елена Фролова спела две его песни, и спела лучше всех, кто тогда выступал. Она была похожа на Маленького принца в белой рубашке апаш. Без гитары, поэтому в памяти остался жест руки – к вороту рубашки. Это был ещё только 2001 год.

Она пела:
Здравствуй, белый пароходик,
Увези меня отсюда
В край, куда ничто не ходит —
Ни машины, ни верблюды…

И ещё:
О, яхта – мой корабль,
Мне пассажир твой снится,
Дощатый старый пирс, лиловая заря,
Как вы присели к нам,
Загадочная птица?
Ведь надо ж отдохнуть, летя через моря…

После того концерта я купил билет в Политехнический уже на «саму» Елену Фролову. Этот билет не случайно мне запомнился, он оказался своего рода «паролем» – за день до концерта в московском Доме-музее Марины Цветаевой я познакомился со своей спутницей жизни, которая предложила мне купить такой же билет. И с того времени мы с ней не пропустили практически ни одного концерта Елены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.